

Юлия Геншафт

Мишкины глаза

Юлия Геншафт. Родилась и живет в Санкт-Петербурге. Дипломированный врач-педиатр и психиатр. Работает в сфере бальнеологии (минеральные воды). С детства пишет стихи и прозу. В литературных изданиях прежде не печаталась.

Ане часто снится один и тот же сон.

Она, двадцатилетняя девчонка, собирается на свидание. Чулки скользят по стройным ножкам, грудь, созревшая до четвертого номера, почти выпрыгивает из выреза блузки... Внешность — это ее все, Анина задача — следить за сохранением природного дара.

Она подхватывает сумку. Долой резинку, придерживающую пышные волосы. На ноги — красные плетеные босоножки на шпильках. Идет к двери...

И тут из комнаты раздается голос отца.

...Эту проклятую просьбу она уже несколько лет прокручивает в голове...

— Аня, детка! Погуляй с Клаусом, пожалуйста.

Она замирает на пороге.

— Пап, но я уже опаздываю!

— Я тебя прошу. Что-то неважно себя чувствую, а он с утра на улице не был...

Она смотрит в умоляющие глаза лохматого ньюфаундленда, который, словно понимая, что говорят о нем, тут же подходит к девушке.

И Аня сдается. Она же обожает Клауса — пса, заведенного именно по ее просьбе.

...Ах, нет! Во сне все не так!

— Пап, честное слово, опаздываю. Сейчас маму наберу, она скоро вернется с работы и погуляет с ним. Хорошо?

— Если мама согласится, то хорошо, — отвечает отец из спальни.

Аня хватает телефон и набирает номер.

— Женская консультация, — говорит мать. Она работает там регистратором.

— Ма, это я. Слушай, ты скоро уже?

— Собираюсь, а что такое?

— Я опаздываю, а Клаус у нас невыгулянный. Выведешь?

— Хорошо, Анют, беги. Ты к Мишке?

— Да, мамуль, куда же еще?

Она чувствует, как мама улыбается в трубку.

Мишка — самый простецкий из всех Аниных ухажеров — просто очаровал будущую тещу. Любила она таких «мальчиков со двора» — средне-специально-образованных и рукастых. Таким и Анин отец был. Из породы «академиков не держим».

А дальше во сне — встреча с Мишкой. Он целует ее пухлые губы, незаметно для окружающих сжимает мягкие полушария ягодиц натруженными ручищами. И она чувствует себя одновременно и желанной женщиной, и испуганной маленькой девочкой.

— Едем ко мне, — шепчет он ей в ухо. — Я заласкаю тебя до смерти...

Она робеет и заводится одновременно — как всегда, когда она рядом с ним.

— Смотри в глаза, — приказывает Мишка.

Аня не может послушаться — и смотрит в его зрачки. А там — внезапная ледяная, сковывающая чернота... Не отвернуться, не уйти, никуда не спрятаться...

Она кричит:

— Отпусти! Пожалуйста! Я убегу!

Но знает, что убежать не может...

В этот момент она всегда просыпается. Ей еще ни разу не удалось скрыться от Мишкиных глаз. Зато — она его помнит. Хотя в семейном архиве не осталось ни одной фотографии жениха. Не успели запечатлеть...

— ...Аня, детка! Погуляй с Клаусом, пожалуйста.

Она замирает на пороге.

— Пап, но я уже опаздываю!

— Я тебя прошу. Что-то неважно себя чувствую, а он с утра на улице не был...

Прозящий взгляд пса — и она, обреченно вздыхая, берет поводок и связку ключей. Застегивает ошейник на Клаусе.

«Может, переодеть пока обувь?» — приходит в голову мысль. Аня кинется на часы: нет, некогда, Мишка не любит, когда она опаздывает.

Полторы минуты — на три лестничных пролета. Пес натягивает поводок, рвется из подъезда... И тут она совершает самую ужасную ошибку в своей жизни — не думая, механически. Она наматывает поводок на левую руку. На запястье металлической прохладой ложатся семь или восемь полных колец длиннющей цепи.

— Анечка, доченька, ну я же столько раз тебе говорила, что нельзя так делать, — будет потом рыдать у ее больничной койки мать.

Три секунды солнечного света, июньского тепла, улыбок греющихся у дома бабулек... Всего три секунды. До того момента, когда Клаус увидел того пуделя. Прямо напротив, через дорогу.

Клаус был двухмесячным щенком, когда парочка агрессивных пуделей на прогулке весьма неласково с ним «пообщались». А собаки, как и люди, тоже бывают злопамятны. С тех пор ее пес просто ненавидел пуделей.

Мощный рывок. Вспышка боли... Врачи потом скажут, что вывих плечевого сустава случился еще до падения. Но если бы чертов поводок не был намотан на руку, этим бы все ограничилось.

В следующие несколько мгновений рвутся чулки, запыленный асфальт сдирает кожу с коленей. Она слышит крики бабулек за спиной. Но — как медленно текут те десять секунд, от понимания, что звенья цепи зашли друг на друга, и просто так поводок не отпустить, — до проезжей части...

— Клаус! Стоять! Клаус!..

Визг тормозов. Удар в бок. Ее переворачивает в воздухе. Боль бьет ярким светом в глаза, заливая роговицы. Небо алеет. Многоугольные звезды вспыхивают и тут же гаснут, словно факелы, брошенные в воду.

И — вот она, та страшная бездна Мишкиных глаз.

Видела ли она их наяву? Но ведь Аня тогда еще не очнулась...

— Парализована?

Разве не его голос она слышит над собой?

— Только ноги...

Кто это плачет? Мама? О ком они говорят? И почему у нее совершенно нет охоты вступать в разговор?

После ей будет казаться, что тот взгляд экс-жениха она увидела именно тогда, сквозь сжатые веки.

— Передавайте привет, когда очнется...

— Миша, куда же ты? Есть же шанс, что она встанет...

— ...И выздоровления пожелайте!..

Сейчас она уже ходит — на костылях, но у нее получается. И еще три операции впереди.

— Танцевать вам, наверно, не придется, — честно говорит ведущий хирург города.

А она надеется. Танцы ей тоже снятся. Правда, «танцевальные» сны — редкие гости.

Она любит мать, мороженое и сильную метель. В снежные дни ее искалеченные ноги перестают ныть. Солнце давным-давно — враг, оно для Ани — темное, как Мишкины глаза. А ночь наоборот — друг, потому что скрывает шрамы. И танцевать когда-нибудь она будет непременно ночью. Когда уйдут боль и страшные сны.